DOI: 10.17976/jpps/2016.02.13

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ФОКУСЕ ИССЛЕДОВАНИЙ АНДРЕЯ БАЙКОВА

О.В. Гаман-Голутвина

ГАМАН-ГОЛУТВИНА Оксана Викторовна, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой сравнительной политологии МГИМО МИД России, Президент Российской ассоциации политической науки, Председатель Федерального учебно-методического объединения по политическим наукам и рецензированию. Для связи с автором: ogaman@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 11.01.2016. Принята к печати: 05.02.2016

Аннотация. Автор рассматривает изучение проблем интеграции в отечественной политической науке. В начале XXI в. интеграция предстала глобальным трендом: обретя статус значимой тенденции с середины XX в. (отмеченной успехом консолидации сначала экономического, а затем политического и управленческого характера в Европе), этот процесс впоследствии охватил различные регионы мира. Причем усиление интеграционных начал в одних регионах (зарубежная Европа, Восточная Азия, Северная и Южная Америки и др.) в отдельные периоды происходило практически одновременно с процессами распада в других (СССР). Значимое расширение ареала интеграции в начале XXI в. определило настоятельную потребность в осмыслении этого феномена, и это действительно происходило – к настоящему времени интеграции посвящена значительная по объему и тематическому разнообразию литература. Характерной особенностью данной литературы является то, что вплоть до начала XXI в. материалом для рефлексии выступал преимущественно европейский опыт, который нередко по умолчанию рассматривался в качестве нормативной модели. Осознание ограниченности такого подхода стимулировало стремление к выходу за пределы опыта Евросоюза. В отечественной литературе данную тематику активно и успешно разрабатывает А.А. Байков, работы которого знаменуют продвижение к разработке общей теории интеграции.

Ключевые слова: интеграция; А.А. Байков; конвергенция; регионализация; регионализм; сравнительный анализ.

В перечне немногих сюжетов, характеризующихся устойчивой актуальностью, неизменно фигурирует тематика интеграции и дезинтеграции. Это не случайно, ибо данные процессы соседствуют практически в любом историческом измерении и потому неизменно привлекают внимание и теоретиков, и практических политиков. Очевидно, что конфигурация факторов (и конъюнктурных, и фундаментальных), инициирующих как объединение, так и распад социально-политических образований, теоретически бесконечны, а их перечень иерархичен. Наиболее глубокие и фундаментальные – импульсы метафизической, мировоззренческой, психологической природы – оставим специалистам в области философии; нас интересуют собственно политические измерения интеграционных и дезинтеграционных процессов.

В настоящее время интерес к теме актуализирован тем, что в начале XXI в. интеграция предстала глобальным трендом: обретя статус значимого направления развития с середины XX в. (отмеченного успехом консолидации сначала экономического, а затем политического и управленческого характера в Европе), этот процесс впоследствии охватил различные регионы мира.

Причем усиление интеграционных начал в одних регионах (зарубежная Европа, Восточная Азия, Северная и Южная Америки и др.) в отдельные периоды происходило практически одновременно с процессами распада в других (СССР). Значимое расширение ареала интеграции в начале XXI в. определило настоятельную потребность в осмыслении этого феномена, и это происходило – к настоящему времени интеграции посвящена значительная по объему и тематическому разнообразию литература. Характерной особенностью данной литературы является то, что вплоть до начала XXI в. материалом для рефлексии выступал преимущественно европейский опыт, который нередко по умолчанию рассматривался в качестве нормативной модели. Среди профильных специалистов сложилась даже неформальная и условная практика рассмотрения неевропейских моделей интеграции на базе коэффициента "один ЕС" – заведомо максимального показателя европейских объединительных процессов, тогда как масштабы "интеграционности" иных образований рассматривались как априори уступающие Старому Свету.

К сегодняшнему дню стала очевидна уязвимость данного подхода, как очевидна и насущная потребность в разработке общей теории интеграции, создание которой во многом затруднено разнообразием конкретики интеграционных процессов. Как и при сопоставлении иных сложных объектов (а сопоставление интеграционных моделей, очевидно, – сверхсложная задача не только по причинам их многочисленности и колоссального многообразия, но также в силу нерегулярности их проявления), исследователи сталкиваются с высоким уровнем требований к логике, технологии и алгоритмам сравнительного анализа.

Вопреки максиме известного историка о том, что история ничему не учит, извлечение уроков из опыта прошедшего (в том числе казусов интеграции или распада) возможно, а сами эти процессы поддаются типологизации, анализу и даже прогнозированию. Более того, к настоящему времени накоплен продуктивный опыт осмысления этого феномена. В данном контексте привлекают внимание работы талантливого отечественного исследователя Андрея Байкова, опубликовавшего по этой тематике в 2012-2015 гг. целый ряд работ. На протяжении последних лет он разрабатывает разнообразные исследовательские сюжеты в рамках этой темы. Особо выделим изучение эволюции подходов к исследованию процессов интеграции как движения от нормативно-европейской парадигмы к разработке общей теории международной интеграции; анализ отображения этой эволюции в теоретическом дискурсе; сопоставление различных моделей интеграций – и чисто экономических, и комплексных, в том числе – в формате политико-компаративного исследования различных моделей межгосударственных объединений.

Что касается первого, то концептуальная определенность представляется необходимым предварительным условием успешного продвижения по пути содержательного исследования любого сложного явления. В данном случае это предполагало кристаллизацию смысла и содержания понятий в условиях множественности и смысловой подвижности терминов *"интеграция", "конвергенция", "регионализм" и "регионализация"*. Байков корректно определяет *интеграцию как преференциальное сближение для достижения общих целей, конвергенцию – как сближение основных показателей развития и унификацию социально-экономических политик* [Байков 2012: 7]. Сложнее обстоит дело с двумя последними понятиями, ибо их активное вовлечение в исследова-

тельский оборот было обусловлено своеобразным "синдромом страха" перед употреблением слова "интеграция" применительно к изучению неевропейских объединительных процессов: "регионализация" возникла как эвфемизм интеграции для обозначения интеграционных процессов за пределами ЕС. В результате анализа соответствующего теоретического дискурса Байков обоснованно уточняет, что под *регионализацией понимается совокупность процессов, способствующих нарастанию экономической однородности* того или иного региона в результате углубления разделения труда и повышения интенсивности связей между близко расположенными странами [Байков 2013: 151]. *Регионализм определяет более развитую фазу процесса*. Еще один нюанс в уточнении предполагает, что регионализация представляет собой неинституционализированный процесс, тогда как регионализм – институционализированную, или управляемую, интеграцию [там же: 152]. Анализ Байковым специализированной литературы показал, что для описания объединительных процессов в неевропейском ареале большинство авторов используют термины "регионализация" и "регионализм" для обозначения тех же процессов, которые в европейских исследованиях идентифицируются как интеграционные. При этом вплоть до недавнего времени различия в терминологии имели принципиальный характер: абсолютное большинство авторов рассматривали неевропейские объединительные процессы как сущностно отличные от интеграции в Европе.

Перелом, как показал Байков, произошел во второй декаде XXI в. в рамках "теорий нового регионализма", когда понятия "интеграция", "регионализм" и "регионализация" стали рассматриваться как сущностно близкие, а европейский опыт объединения – как наиболее продвинутый и развитый, но все же сущностно сходный с иными моделями интеграции. Это отнюдь не означало попыток принизить роль опыта ЕС, а было призвано объективно отразить достигнутый уровень изучения и обобщений. Другое дело, что в рамках "теорий нового регионализма" нашел отражение факт кардинальных перемен глобального контекста, определяющих невозможность воспроизводства европейского опыта. Иными словами, неевропейские модели интеграции неизбежно приобретали уникальный облик вследствие столь же уникальных природно-географических, историко-культурных, этнонациональных и иных особенностей соответствующего региона. Автор подводит к выводу о том, что в литературе 2000-х годов произошел отказ от абсолютизации нормативности европейского интеграционного опыта. "НАФТА, АСЕАН, а иногда и МЕРКОСУР рассматриваются в одном ряду с ЕС, хотя никто не ставит под сомнение количественное и качественное превосходство, степень зрелости европейской интеграционной формы... 'Интеллектуальная монополия' ЕС на понимание и интерпретацию интеграции вне ЕС разрушается" [там же: 154, 156].

К числу содержательных завоеваний "теорий нового регионализма" следует отнести также разграничение типов интеграции в зависимости от сферы сближений и обоснование различия в подходах к их оценке. Вместе с тем, что также стало очевидно в ходе развития данных теорий, изолированный анализ перечисленных аспектов интеграции малопродуктивен, так как на практике развитие одного напрямую зависит от зрелости другого, и, более того, взаимодействие аспектов интеграции может характеризоваться куму-

лятивным эффектом, усиливающим общий эффект интеграции, который более ощутим, если "посредством регионального уровня каждое государство получает возможность оказывать кумулятивно большее влияние на мировой сцене и решать внутренние и региональные проблемы более эффективно, чем каждое из них в отдельности" [там же: 158].

Еще одним продуктивным различием стало разведение интеграции де-факто и де-юре. Формализованное сотрудничество характерно прежде всего для ЕС. Разработка этих концептов позволила показать, что различия между упомянутыми формами определены не только степенью юридического закрепления связей. Интеграция де-факто остается таковой до тех пор, пока не достигнут консенсус относительно географической базы группировки: "Так, географическая база ЕС сложилась давно, а фаза его расширения была, скорее, мерой по распространению влияния изначальной 'шестерки' стран на всю эту географическую базу", – отмечает Байков [там же].

Таким образом, "теории нового регионализма" содержат значимую заявку на вклад в формирование общей теории интеграции, поскольку предоставляют существенные элементы методологии для сравнения групп государств. Данная совокупность теорий представляет собой реакцию на отчетливый запрос на создание теорий, постулирующих плюрализм жизнеспособных региональных моделей и вариантов современной интеграции, ставших результатом выхода данного процесса за пределы европейского ареала.

Однако цитируемый автор обоснованно отмечает, что упомянутые евроцентристские установки – не единственная методологическая сложность в построении общей теории интеграции. Другой, но имеющей все тот же "европейский" источник, трудностью является преимущественный акцент на институциональных признаках и административных механизмах в качестве критериев сопоставления и оценки меры продвинутости интеграционных инициатив, что ставит проблемы поиска иных оснований и критериев сопоставления. Это в свою очередь представляется частным, хотя и, безусловно, важным вопросом, в более общей проблеме построения дизайна компаративного изучения такого сложного явления, как интеграция. Вне всякого сомнения, продуктивность дизайна, эффективность технологии и адекватность алгоритма сравнения – это (наряду с логикой сравнения) непременные условия успеха любого компаративного исследования [Гаман-Голутвина 2015]. В компаративных исследованиях с малым числом единиц анализа (а в случае интеграционных объединений это заведомо малое число) критически важен выбор кейсов для рассмотрения [там же]. Исходя из этих заданных рамочных условий, Байков представил успешный сравнительный анализ моделей интеграции в зарубежной Европе и Тихоокеанской Азии [Байков 2012].

Успех исследования определил ряд обстоятельств. Прежде всего, безусловно эвристически продуктивными оказались избранный дизайн и выбор кейсов. Автор предложил корректную и непротиворечивую модель сопоставления, были аккуратно выделены основания сопоставления, в качестве которых были избраны не институциональные критерии, а "*образы действий*". Под ними понимается специфический для данной группировки *набор алгоритмов реализации программы взаимодействия группы государств в конкретной сфере*. Корректно выделены области, в которых прослеживается *реализация образа действий* (РОД), и *основные объекты рассмотрения* (ОР):

РОД	ОР
Учреждение группировки	Исходные мотивы сближения
Идеологическое обоснование сближения	Обоснование сближения
Экономическое строительство	Цели и пределы экономического сращивания
Управленческая активность	Соотношение полномочий руководящих органов, пропорция элементов надгосударственного и межправительственного управления
Стратегия расширения	Подход к выбору критериев и темпов расширения
Модель безопасности	Алгоритм обеспечения региональной безопасности

Значимой методологической предпосылкой успеха исследований стало допущение, что ключевое типологическое подобие интеграции в зарубежной Европе и Восточной Азии определяется не процедурой принятия интеграционных решений или мерой реализованности принципа наднациональности, а устойчивой ориентацией участников интеграции на приоритетность развития внутригрупповых связей по отношению к внегрупповым, готовностью предоставлять друг другу на взаимной основе особые права, льготы и привилегии, а также волей к многостороннему сотрудничеству, подтверждаемой регулярностью встреч ради решения вопросов, которые выходят за рамки обычного международного общения [там же: 229]. Предметом сравнения стали не столько *формы воплощения интеграционных устремлений,* сколько *сами эти устремления, мера их устойчивости, направленность и результативность.*

Последовательная реализация заявленных принципов позволила провести корректное сопоставление заметно различных внешне, но сущностно сходных объединительных процессов в зарубежной Европе и Тихоокеанской Азии и выявить черты существенного сходства по всем идентифицированным основаниям сопоставления.

По основанию *мотивации к сближению* выявлен приоритет опасений внутрирегиональных конфликтов и необходимость объединения перед лицом более крупных внерегиональных игроков (СССР в Западной Европе; Китая, США и СССР – в Восточной Азии). Дополнительным измерением сходства в сфере безопасности представляется неафишируемое, но отчетливое делегирование части ответственности за безопасность внерегиональным игрокам (США – со стороны ЕС и политико-консультационному механизму уравновешивания США – КНР – РФ – Япония – в Восточной Азии).

При всей значимости экономических мотивов признание целесообразности хозяйственного взаимодействия следовало за военно-политическими опасениями (неважно – обоснованными или мнимыми), а не наоборот. При этом *цели сотрудничества* представлялись по-разному: если Евросоюз изначально рассматривался его творцами как интеграционная структура, то в случае Восточной Азии интеграционные цели были не единственным (хотя и важнейшим) направлением обширного спектра деятельности. В области *идеологического обоснования* интеграции обе ее версии схожи в плане апелляции к выросшим на общем историко-культурном наследии символам общей идентичности и проекции общей судьбы в будущем.

Анализ *экономического* измерения показывает как черты сходства, так и различий. К сходству отнесены установки на упрощение условий внутрирегионального обмена и создание условий для повышения конкурентоспособности интеграционной группы в целом по отношению к внешним партнерам. Различия возникают при сопоставлении этапности экономического сближения: в европейском случае имела место строгая очередность, тогда как в Восточной Азии наблюдалось наложение этапов.

К числу значимых сходств следует отнести асинхронность и многоуровневость экономической интеграции разной степени глубины и интенсивности на разных уровнях. Еще одним существенным моментом сходства стало то, что и на пространстве ЕС, и в Восточной Азии наблюдались однородные модели расширения интеграционных ядер: в обоих случаях интеграционные процессы тяготеют не к сплошному, а к очаговому типу распространения.

При всех различиях облика двух межгосударственных объединений их связывает внутренняя гомогенность, в том числе политического свойства – при том, что в одном случае речь идет о доминировании в ЕС демократических политических режимов (хотя и отличных друг от друга), а в другом – о восточноазиатском авторитаризме (также различающемся в странах региона – как по степени авторитарности, так и по характеру нелиберальных режимов). В итоге в ЕС на сближение работает демократическая идея, а в Восточной Азии – экономический прагматизм [там же: 233]. И в Восточной Азии, и в ЕС процесс сближения происходит с переменной скоростью, причем скорость интеграции в АТР строго соизмеряется с темпами восточноазиатской истории – в той же степени, в какой Евросоюз развивался темпами, которые ему задавал общий темп эволюции Западной Европы в 1950-1970-е годы.

И еще одна черта сходства представляется парадоксальной. Она касается взаимодействия различных сфер интеграции. Байков убедительно показал, что нежелание стран Восточной Азии форсировать интеграцию в социальной сфере следует воспринимать не как антипод, а скорее как подобие европейского подхода [там же: 234].

Как приведенные выше, так и иные аргументы автора весьма убедительно показывают, что европейский опыт не уникален априори, хотя и продолжает оставаться таковым де-факто. И, возможно, этот вывод как результат эмпирического политико-компаративного исследования представляет собой существенный вклад с формирование теории интеграции. Очевидно, что дальнейшее продвижение в этом направлении предполагает выход за пределы формата бинарного сравнения и расширение числа изучаемых кейсов. И в этом отношении Байкову есть что предъявить. Речь идет о сопоставлении более широкого круга моделей интеграции, хотя и рассматриваемых только в экономическом измерении. Формирование и последующая эволюция Евросоюза, общепризнано, служит самым значительным примером реализации теорий экономической и политической интеграции: ЕС служит примером максимально продвинутого развития экономической и политической интеграции, прошедшего все разработанные в теории интеграционные формы: от таможенного союза до формируемого единого экономического, валютного и политического союза. Но когда количество стран-членов возросло с 6 до 28, стали проявляться негативные последствия расширения европейской интеграции, что фактически поставило объективный предел как расширению, и углублению интеграционного процесса в этом

макрорегионе мира и будет сказываться в дальнейшем на динамике и содержании процессов европейской экономической интеграции [Байков, Ермолаев 2014: 236].

Североамериканское соглашение о свободной торговле (НАФТА) – единственное эффективное объединение в Североамериканском регионе. Его члены – США, Канада, Мексика – получают явные преимущества от участия в НАФТА, в том числе от конкурентоспособности национальной продукции, существенную динамику взаимной торговли. Они демонстрируют повышение инвестиционной привлекательности. Вместе с тем есть и издержки от участия в соглашении – прежде всего для мексиканской экономики, имеющей более низкий уровень развития в сравнении с США и Канадой, менее емкий внутренний рынок, низкий среднедушевой ВВП.

Созданная в 1967 г. Ассоциация стран Юго-Восточной Азии вполне успешно реализует заявленные на этапе создания цели – военно-политическую стабилизацию в Юго-Восточной Азии, создание таможенного союза, содействие экономическому росту стран-участниц. В 2003 г. было принято историческое решение о формировании сообщества АСЕАН в качестве экономического, политического и социального сообщества к 2020 г. Предполагается, что Сообщество станет общим рынком со свободным перемещением товаров, услуг и инвестиций, капиталов и лиц квалифицированного труда. В 2006 г. было решено ускорить формирование сообщества АСЕАН. Однако нельзя утверждать, что действие дезинтегрирующих факторов удалось устранить в полной мере – сохраняются невысокий уровень экономической взаимозависимости, многочисленные исключения из схемы СЕРТ, различия в ставках таможенных пошлин, применение нетарифных ограничений во взаимной торговле и преференциальных режимов для отдельных сегментов внутреннего рынка. Однако очевидно, что заявленная цель – формирование Сообщества АСЕАН – будет достигнута с учетом того, что данное интеграционное объединение не просто жизнеспособно, а обладает высоком потенциалом.

Объединение СНГ Байков правомерно определяет как модель декларативной интеграции. Исследователь полагает, что возможны три сценария перспектив развития и углубления интеграционных тенденций в рамках СНГ. Оптимистический сценарий предполагает образование организационно-правовых механизмов на межгосударственном и национальном уровнях, что потребует проявления четкой политической воли со стороны лидеров государств. Пессимистический сценарий исходит из снижения роли СНГ в развитии интеграционных тенденций и закрепления за ним консультационных функций. Согласно промежуточному сценарию, особые изменения в рамках Содружества не произойдут, и реальные возможности будут намного ниже сложившегося потенциала.

Резюмируя, можно отметить, что к сегодняшнему времени благодаря изысканиям зарубежных и отечественных исследователей, среди которых достойное место занимают работы А.А. Байкова, перспективы создания общей теории интеграции выглядят реалистическими. Важным фактором успеха этих усилий можно считать преодоление парадигмы евроцентризма и осознание того обстоятельства, что, несмотря на заметные внешние отличия, интеграционные тенденции в различных регионах не просто стали глобальным трендом: им во многом свойственны совпадающие или близкие характеристики, и сами тенденции развиваются по содержательно схожим траекториям. Несомненно, разработка общей теории интеграции может способствовать и более успешному развитию интеграционных тенденций в реальном политическом процессе, а это, в свою очередь, надеемся, внесет вклад в установление более устойчивого и справедливого порядка: с определенной дерзостью можно сказать, что актуальной максимой политической нау-

ки является сформулированный задолго до ее институционального оформления завет “дом, разделившийся сам в себе, не устоит”.

Байков А.А. 2012. *Сравнительная интеграция*. М.: Аспект Пресс. 256 с.

Байков А.А. 2013. Международная интеграция в теоретическом дискурсе. – *Мегатренды. Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI в.* Под ред. Шаклеиной Т.А., Байкова А.А. М.: Аспект Пресс. С. 143-162.

Байков А.А., Ермолаев А.О. 2014. Сравнительный анализ интеграционных моделей стран мира (ЕС, НАФТА, АСЕАН, СНГ). – *Практика зарубежного регионоведения и мировой политики:* Учебник. Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: МАГИСТР: ИНФРА-М. С. 227-244.

Гаман-Голутвина О.В. 2015. Методы и виды сравнительных исследований. – *Сравнительная политология.* Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. М.: Аспект Пресс. С. 70-110.

DOI: 10.17976/jpps/2016.02.13

INTEGRATION PROCESSES IN THE FOCUS OF ANDREY BAYKOV’S RESEARCH

O.V. Gaman-Golutvina[1]

[1]*Moscow State Institute of International Relations, MFA of Russia. Moscow, Russia*

GAMAN-GOLUTVINA Oxana Viktorovna, Dr. Sci. (Pol.Sci.), Professor, Head of Comparative Political Science Department, Moscow State Institute of International Relations, MFA of Russia, President, Russian Political Science Associations. Head, Federal Education and Methodics Association on Political Science and Regional Studies. Email: ogaman@mail.ru

Received:11.01.2016. Accepted: 05.02.2016

Abstract. The author of the article considers the study of the integration problems in Russian political science. In early 21st century, integration has turned into a global trend: having acquired the status of a significant tendency, since the middle of the 20th century (marked by the success of, first, economic, and, then, political and managerial consolidation in Europe), this process has subsequently embraced different regions of the world. The strengthening of integration that started in some regions (overseas Europe, Asia, the Americas, and others) and in some periods, occurred almost simultaneously with the processes of decay in other regions (the USSR). A significant expansion of the area of integration at the beginning of the 21st century has emphasized the urgent need for understanding of this phenomenon, and it’s really happening; so far abundant and diverse literature has appeared. A characteristic feature of this literature is that until early 21st century, the study focused mostly on European experience, which is often seen by default as a normative model. Awareness of the limits of this approach has stimulated the desire to move beyond the borders of the EU experience. In Russian literature, this direction has been actively and successfully developed by A. Baykov, whose works mark the promotion of the general theory of integration.

Keywords: integration; Andrey Baykov; convergence; regionalization; regionalism; comparative analysis.

References

Baykov A.A. *Sravnitel’naya integratsiya* [Comparative integration]. Moscow: Aspect Press. 2012. 256 p.

Baykov A.A. Mezhdunarodnaya integratsiya v teoreticheskom diskurse International integration in the theoretical discourse. – *Megatrendy. Osnovnyye trayektorii evolyutsii mirovogo poryadka v XXI v.* [Megatrends. The main path of the evolution of the world order in the XXI century. T.A. Shakleina, A.A. Baykov (eds)]. M.: Aspect Press. 2013. P. 143-162.

Baykov A.A., Ermolaev A.O. Sravnitel’nyy analiz integratsionnykh modeley stran mira EU, NAFTA, ASEAN, SNG) [Comparative Analysis of the Integration Models of the World]. – *Praktika zarubezhnogo regionovedeniya i mirovoy politiki* [Practice Foreign Area Studies and International Politics. A.D. Voskressensky (ed.)]. M.: MAGISTR. INFRA-M. 2014. P. 227-244.

Gaman-Golutvina O.V. Metody i vidy sravnitl’nykh issledovaniy [Methods and types of comparative studies]. – *Sravnitel’naya politologiya* [Comparative politics]. Moscow: Aspect Press. 2015. P. 70-110.